

Поскольку в современном законодательстве не предусматривалось наказание в виде «порки трупа», Фэй Чэньюй так и не расплатился за все свои злодеяния. Теперь, когда он обратился в прах, привлечь его к уголовной ответственности было попросту невозможно.

А вот с незаконными доходами, полученными им при жизни, все еще предстояло разобраться.

К счастью, Фэй Ду подготовился заранее: он отделил, все, что нужно, и вовремя разорвал лишние связи. Ведь изначально он не планировал для себя благополучный исход, а значит, был обязан оставить путь отступления для своих людей. Только вот теперь ему придется прокладывать эту дорогу самому.

Короче говоря, он больше не мог изображать праздного мажора. Сам Фэй Ду, может, и прожил бы на одной жидкой каше, но ему все еще нужно было содержать целую ораву людей. Поэтому он был вынужден стать вечно занятым генеральным директором и каждый день ходить на работу.

Ло Вэньчжоу каким-то чудом раздобыл ему парковочное место в жилом комплексе с вечно забитой стоянкой. Правда, место оказалось с подвохом: из-за неудачной проектировки обычный человек туда просто не мог заехать. Хозяин, купивший квартиру на вторичке, только после переезда понял, что его облапошили, поэтому с радостью отдал место Ло Вэньчжоу по дешевке. И вот тут наконец пригодились навыки, которые господин Фэй когда-то оттачивал, гоня по горным дорогам.

Если подумать, те дни, когда он прожигал жизнь, гоня на тачках и болтаясь без дела, теперь и впрямь казались чем-то далеким. Однако, «занятость» сама по себе не мука, если точно знаешь, ради чего стараешься.

Каждый вечер Фэй Ду устраивался с ноутбуком на ступеньках, ведущих в подвал, и работал допоздна. Это было его постоянное рабочее место, обустроенное подушкой, мягким валиком под спину и даже небольшой подставкой под кружку. По правую сторону от него стояла чашка грушевого отвара с леденцовым сахаром(1), а слева, закрыв глаза и сложив лапки, дремал Ло Иго, пригревшийся у вентиляционного отверстия ноутбука. Если же экран утомлял, Фэй Ду просто поднимал взгляд и давал отдых глазам, любуясь красавцем.

Особенно когда этот красавец, весь в поту и уверенный в собственной неотразимости, щеголял в одних лишь мешковатых спортивных штанах.

Помимо всякого хлама и старенького велосипеда «Эрба», в подвале Ло Вэньчжоу имелась беговая дорожка, боксерская груша, тренажер Смита, – все необходимое для домашнего спортзала.

Мужчина соскочил с беговой дорожки, которая продолжала вращаться по инерции, взял полотенце и смахнул с себя блестящие капли пота, демонстрируя рельефные мышцы груди и пресса. Затем подошел к Фэй Ду и сказал:

— Ты каждый день только со стороны смотришь. Разве врач не сказал, что небольшая разминка пойдет тебе на пользу?

Фэй Ду поставил точку, отправил электронное письмо и весьма небрежно сказал:

— погоди, я оформлю абонемент в спортзал.

Ло Вэньчжоу поднял недопитую чашку грушевого отвара и залпом осушил, после чего улыбнулся Фэй Ду белоснежной улыбкой:

— Какой еще абонемент? У нас дома и так всего полно, чего еще надо? Ну, скажи, где ты найдешь тренера, который позаботится о тебе и обеспечит такой же персональный сервис, как я?

Фэй Ду посмотрел на «тренера», который явно пытался продать себя, затем перевел взгляд на домашний тренажерный зал перед собой и с явным сомнением указал рукой:

— Смотри, глухая ночь, маленькая темная комнатка, и кто-то... ну, понимаешь, бежит на месте на беговой дорожке. Тебе не напоминает это хомяка в колесе?

Ло Вэньчжоу: ...

За свою дерзость президент Фэй тут же был схвачен и унесен прочь огромным хомяком.

Ло Иго вскочил от испуга, распахнув свои кошачьи глаза. Решив, что с этим демоническим грызуном ему не совладать, он от досады дважды пустился в погоню за собственным хвостом, а потом трусливо свернулся в клубок, не желая вмешиваться.

На следующий день Фэй Ду разбудил легкий стук пряжки ремня Ло Вэньчжоу. На мгновение он подумал, что проспал, и резко сел... Но поясница внезапно ослабла, и он повалился обратно.

Ло Вэньчжоу укутал Фэй Ду одеялом, поцеловал в волосы и тихо сказал:

— Еще рано вставать, поспи немного.

Только тогда Фэй Ду заметил, что Ло Вэньчжоу был одет в форму. Обычно их не обязывали ее носить, но, похоже, сегодня ему предстояло посетить важное мероприятие.

— Хватит пялиться, закрывай глаза, — велел Ло Вэньчжоу.

— Дядя полицейский, с твоей-то внешностью, если захочешь уволиться и прийти работать к

нам, сможешь спать до полудня каждый день, — сказал Фэй Ду.

Ло Вэньчжоу поправил воротник и с притворным удивлением сказал:

— Среди бела дня переманиваешь людей у директора Лу? Молодец, далеко пойдешь. А ты знаешь, что директор Лу уже занес тебя в черный список?

Фэй Ду: ...

— На самом деле, он даже не умел заносить в черный список, поэтому специально спустился и попросил Тао Жаня научить его, тут же опробовав на тебе. Представляешь, мужику за пятьдесят, он отстал от жизни лет на тридцать, но только ради тебя освоил новый навык. Детка, ну разве здорово?

Еще с того момента, когда Фэй Ду рисковал жизнью во время задержания Чжан Чуньлина и Фань Сьюаня, директор Лу уже решил, что Фэй Ду ненадежен. А позже выяснилось, что в своих «Моментях» молодой человек публиковал либо фотографии Ло Вэньчжоу, либо их кругломордого жирного кота без шеи — скука смертная.

Несколько дней назад в ленте наконец появился довольно объемный пост под заголовком: «Как бы не менялась форма, важно не отступать от основ». Директор Лу подумал, что президент Фэй высказал какую-то глубокую мысль о стремительно меняющейся рыночной экономике и даже собирался внимательно изучить, чтобы выбрать лучшее время для покупки жилья детям. Но, открыв его, он обнаружил руководство по «обману», написанное самим Фэй Ду, где он наглядно расписал всё от общих принципов до методологии. Директор Лу сразу же вспомнил, как сам когда-то попался на его удочку и, разозлившись, от греха подальше заблокировал юношу.

— Какая жалость, — сухо сказал Фэй Ду.

— Точно, теперь старикан не сможет полюбоваться красавцем, скрывающимся за фильтрами. Что ж, придется мне немного потрудиться и почаще маячить у него перед глазами, — Ло Вэньчжоу покрутил перед ним включенным телефоном, но взглянув на часы, тут же стал серьезным. — Ладно, мне правда пора.

Фэй Ду нащупал возле кровати свою скомканную пижаму, поднял и накинул ее на себя:

— Почему сегодня так рано?

Ло Вэньчжоу поправил одежду перед зеркалом, приняв серьезный вид:

— Сегодня годовщина смерти Гу Чжао. Состоится церемония, им с Сяо У посмертно присвоят звания героев.

Фэй Ду на миг опешил.

Церемония состоялась на могиле Гу Чжао.

Некрополь находился в глуши и занимал совсем небольшую территорию. Похоже, его построили в те времена, когда была распространена спекуляция местами на кладбищах(2).

Для большей прибыли могилы располагались очень тесно, как будто в землю воткнули клетки для голубей. Расстояние между двумя рядами надгробий составляло всего около метра, которого едва хватало, чтобы положить два венка. Когда здесь собиралось много людей, становилось слишком тесно.

При жизни мы часто не уживаемся с другими людьми, а вот после смерти, напротив, можем спокойно лежать вместе в тесноте.

Гу Чжао был похоронен в этой тесной «голубиной клетке».

Солнце только взошло, а у ворот маленького захолустного кладбища уже выстроился целый ряд машин.

Эта запоздалая церемония прошла с большим размахом: впереди и позади надгробия люди стояли в три ряда, а по периметру непрерывным потоком стекались представители СМИ. Операторы, пришедшие позже, уже не могли протиснуться со своими камерами.

Директор Лу зачитывал заранее подготовленную траурную речь.

Сяо Хайян стоял рядом, рассеянно прижимая к себе букет. Его руки были перепачканы влажной землей.

Ло Вэньчжоу легонько толкнул его локтем:

— Директор Лу вот-вот закончит речь. Когда он договорит, ты подойдешь и возложишь цветы. Не витай в облаках, «Яньчэн ТВ» будет тебя снимать.

Сяо Хайян пришел в себя и краем глаза заметил, что на него направлена камера. Оператор уловил его взгляд и улыбнулся издали. Сяо Хайян вдруг вспомнил одну старую историю.

Это случилось, когда он был ребенком. Школа организовала поездку с концертом в казармы в поддержку военных и выбрала самых маленьких и хилых детишек для выступления в хоре из ста человек. Местный телеканал снимал репортаж и обещал показать их в вечерних новостях. Каким-то чудом Сяо Хайян попал в число участников, но из-за маленького роста и щуплого телосложения его поставили в самый угол переднего ряда.

Сяо Хайян впервые в жизни стоял перед объективом телекамеры. Пускай он был всего лишь одной сотой в огромном хоре, играя совсем незначительную роль, для неискушенного мальчишки возможность «попасть на телевидение» казалась невероятно захватывающей.

Он специально спросил у учителя, когда покажут новости, и в назначенный вечер пришел домой к Гу Чжао, чтобы вместе посмотреть эфир. Но, к сожалению, весь репортаж о концерте длился меньше минуты, а величественный «хор из ста человек» мелькнул на экране лишь на мгновение. И как раз в тот момент, когда должны были показать его, стоящего в уголке, кадр тут же сменился.

Он так долго ждал, когда его покажут по телевизору, а в итоге не увидел себя на экране даже мельком. Сяо Хайян был ужасно разочарован, и чем больше он об этом думал, тем обиднее ему становилось. Он сидел на корточках в гостиной Гу Чжао и плакал навзрыд.

Гу Чжао в срочном порядке пришлось утешать его:

— Послушай, тебе всего шесть с половиной лет, а тебя уже почти показали по телевизору! Подожди до семи с половиной и, возможно, ты окажешься прямо в центре экрана. Это куда лучше, чем у меня. Я уже такой старый, а меня так ни разу и не показали по телевизору, да, наверное, уже и не покажут...

Гу Чжао, верно, и представить себе не мог, что однажды его фотография окажется в одном кадре с Сяо Хайяном.

Как только человек переступает границу между жизнью и смертью, земные почести и позор больше не тревожат его.

Директор Лу закончил читать траурную речь, а Сяо Хайян в порядке очереди возложил цветы. Все присутствующие отдали честь, и звуки затворов фотоаппаратов слились в единый гул. Можно сказать, так была поставлена точка в этом запутанном и сложном деле. Только мать Сяо У стояла в толпе и тихо плакала; не в силах сдержать эмоции, она прижимала руку к губам, боясь, что ее рыдания нарушат торжественность и святость момента.

— Пособие дяди Гу некому получать, — еле слышно сказал Сяо Хайян, глядя на расходящихся людей. — У него нет родственников.

Ло Вэньчжоу замер. На его глазах Сяо Хайян съежился и обмяк, словно сдувшийся воздушный шарик. Казалось, он совсем не испытывал радости, а напротив – выглядел растерянным.

Сяо Хайян с детства был немного заторможенным – словно, он родился, чтобы стать книжным червем. В школе он получал средние оценки в точных науках, зато выделялся в гуманитарных предметах. Глядя на его непростой характер и своеобразный склад ума, учителя предполагали, что из мальчика выйдет выдающийся деятель в области общественных наук. Никто и представить не мог, что он пойдет в полицию. Но чтобы стать уголовным полицейским, мало

просто сдать экзамен на госслужбу, нужно еще не быть дохляком, который задыхается как загнанная собака, всего лишь пробежавшись за автобусом. Оглядываясь назад, Сяо Хайян понимал: его путь в городское бюро был сплошной чередой нелепых случайностей, которые не объяснить даже чудом. Казалось, сама судьба распорядилась, чтобы в этом году Гу Чжао посмертно оправдали. А сам он, подталкиваемый этой неведомой силой, будет катиться кубарем, падать и подниматься, и, держась из последних сил, дотянет до нынешнего финала.

Более десяти лет Сяо Хайян мечтал стать полицейским, чтобы расследовать старое дело и восстановить справедливость для одного человека, но он никогда не задумывался, чем будет заниматься «после». Иногда для тех, кто остался жив, финал не приносит полного облегчения, он лишь выводит из мучительного кошмара и дает шанс посмотреть вперед.

— Что будешь делать дальше? — спросил Ло Вэньчжоу.

Сяо Хайян непонимающе посмотрел на него.

— У тебя есть какие-нибудь другие планы? — снова спросил Ло Вэньчжоу.

Сяо Хайян молча покачал головой.

— Капитан Ло, — к ним быстрым шагом подошла Лан Цяо с телефоном в руках. — Мы обнаружили логово банды мошенников, которые орудовали в нескольких провинциях. Будем брать?

Не дожидаясь ответа Ло Вэньчжоу, Сяо Хайян уже полностью собрался, мгновенно развеяв свою прежнюю растерянность:

— Погоди, сяо Цяо-цзе, я подозреваю, что у них может быть не одно логово!

Ло Вэньчжоу поманил его:

— Идем, расскажешь на ходу.

Шагая за Ло Вэньчжоу, Сяо Хайян переключился на «болтливый режим» и затараторил:

— Я с прошлого месяца отслеживал их схему преступлений и модель поведения и обнаружил...

Иди вперед, не оглядываясь, даже если путь перед тобой окутан туманом, а сам ты двигаешься дальше лишь по инерции...

Однажды среди оставленных следов ты разглядишь свой путь.

Просто нужно немного терпения.

1. Традиционный китайский сладкий напиток/десерт: груши, проваренные с крупными прозрачными кристаллами сахара («леденцовый сахар»), иногда с добавлением ягод годжи или красных фиников. В Китае его считают полезным для лёгких и горла и пьют в сухую или холодную погоду.

2. В Китае в определённые периоды действительно возникали случаи спекуляций с землями под кладбища. Так называемые «炒墓» (chǎo mù), буквально «спекуляция кладбищем».

Это означает, что некоторые предприниматели или организации скупали участки земли, предназначенные под захоронения, а затем перепродавали их по завышенной цене или использовали для получения прибыли.

В современном китайском обществе это часто воспринимается негативно, как пример коррупции или неэтичного бизнеса, связанного с памятью и уважением к умершим.

<http://bllate.org/book/12932/1135268>